

**«Восстань и светись»: жизнь и труды Эрнста Глюка (1654–1705):
Материалы конференции, посвященной 300-летию со дня кончины
(10–13 мая 2005 г., Галле-на-Зале) /Под ред. Х. Шиллера и М. Груду-
ле. Висбаден: «Харразовитц», 2010. 281 с.***

10–13 мая 2005 г. в Галле состоялся международный междисциплинарный семинар, приуроченный к 300-летию со дня смерти пастора Эрнста Глюка. В Латвии он известен прежде всего как переводчик Библии на латышский язык, в России – как основатель первой гимназии. Издание материалов конференции осуществилось лишь пять лет спустя. Ее организаторы и составители сборника стремились дать как можно более полное представление о жизни и деятельности Глюка (S. 7). Сборник состоит из четырех разделов: «Лифляндия – Швеция – Россия», «Эрнст Глюк», «Сочинения Глюка на латышском языке», «Глюк в России и его сочинения на русском языке» (S. 5–6). Однако в ряде статей, включенных во второй раздел, затронут и русский период его жизни, а работы, касающиеся истории перевода Библии на латышский язык, попали и во второй, и в третий разделы, что заставляет усомниться в оправданности подобной структуры. Бесспорным достоинством сборника, помимо высокого качества печати, является наличие именно того указателя, заметно облегчающего работу с книгой.

Самую неблагодарную роль взял на себя Г. фон Пистолькорс, осветивший в своей статье положение Лифляндии под властью Швеции в XVII – начале XVIII в. (S. 13–28). В таких очерках, часто компилятивных, всегда легко уйти от основного предмета исследования (например, характеризуя «Шведский путь к великодержавию» (S. 14–16)). Тем не менее обзор социальной, образовательной и религиозной политики Швеции в остзейских провинциях, безусловно, необходим для понимания деятельности пастора Глюка. Указывая на развитие местной правовой системы, введение новой организации духовенства и повышение его интеллектуального уровня, перевод Библии на латышский и эстонский языки, открытие университета, попытки ограничить эксплуатацию крестьянства, автор в целом положительно оценивает «Шведское господство в Эстляндии и Лифляндии» в XVII в. (S. 21–25).

В статье Я. Креслиньша «К вопросу о письменности: поиски идентичности и шведская церковная и образовательная политика в раннее Новое время» (S. 29–40) рассматрива-

ется усиление роли лютеранства в Швеции во второй половине XVII в., когда оно, наряду с королевским домом, сумело «придать более глубокое религиозное основание и национальный субстрат новой политической идентичности». Этот процесс достиг своего пика в последние десятилетия XVII в., когда был принят церковный устав (1686 г.), изданы новые Катехизис (1689 г.), Требник (1693 г.) и Псалтирь (1695 г.), и завершился уже в годы Северной войны новым исправленным переводом Библии на шведский язык (1703 г.). Тогда же (в лифляндский период деятельности Глюка) появляются переводы Библии на южно-эстонский и латышский языки (S. 30–31). Креслиньша в первую очередь интересуют цели и «реальные ответвления» («die wirklichen Verästelungen») данного процесса, направленного, по его мнению, на создание шведской государственной и национальной идентичности, чему, в частности, должны были служить и концепция «шведского Израиля», разработанная придворным проповедником и видным церковным идеологом Х. Спегелем, и труд ученого У. Рюдбека «Атлантика» (S. 31–33). Только религия, считает Креслиньш, могла объединить различные территории шведского государства и способствовать формированию шведской нации (S. 37). Между тем до самого конца XVII в. большинство книг в Северной Европе печаталось на латыни, и еще в середине этого столетия в университетской библиотеке Упсалы почти не было книг на шведском языке (S. 33, 36). Впрочем, лишь в конце статьи говорится собственно о роли письменности, без которой невозможно «построить общую, хотя и многоязычную и мультикультурную, идентичность» (S. 37).

Центральная статья в сборнике – «Эрнст Глюк. Жизнь и труды» – по праву принадлежит профессору Г. Глюку, соавтору первой монографии, посвященной пастору и его трудам¹. Подробнее всего в ней рассмотрен лифляндский период жизни Э. Глюка, его работа над переводом Библии, основание латышских школ и т.д. Как известно, еще в 1660 г. план перевода был представлен шведскому правительству суперинтендантом (главой консистории) Лифляндии И.Г. Гецелиусом, а в 1681 г.

* «Mach dihc auf und werde licht – Celies nu, topi gaiß»: Zu Leben und Werk Ernst Glücks (1654–1705): Akten der Tagung anlässlich seines 300. Todestages vom. 10 bis 13. Mai 2005 in Halle (Saale). Hrsg. von Chr. Schiller und M. Grudule. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. 281 S.

с повторным предложением в королевскую канцелярию обратился генерал-суперинтендант И. Фишер. Ссылаясь на «свидетельство Глюка», профессор утверждает, что сделано это было по инициативе пастора (S. 43–44). С этим полемизирует эстонская исследовательница Л. Аарма (S. 79–110), подробно осветившая пребывание Фишера на шведской службе в должности суперинтенданта Южной Лифляндии (с 1673 г.), а затем генерала-суперинтенданта Лифляндии (с 1678 г.), его программу создания школ («Схола Каролина» в Риге, латинская школа в Дерпте и др.) и издательскую деятельность (S. 84–94). По ее словам, Фишер увлекался пиетизмом и поддерживал дружеские отношения с «отцом лютеранского пиетизма» Ф.Я. Шпенером (S. 83–84). Пиетисты уделяли особое внимание Библии и, по-видимому, именно их идеи привели Фишера к мысли о необходимости заняться ее переводом, о чем говорили к тому времени уже почти полвека. Могли повлиять на него и появившиеся тогда же планы издания переработанных переводов Библии на шведский и финский языки (S. 96–97). Осуществление своего замысла Фишер поручил группе сотрудников. Переписка Глюка до 1699 г. и свидетельства современников не содержат никаких данных о том, что пастор являлся инициатором данного проекта. Аарма считает, что он стал приписывать себе эту роль позднее, защищаясь от нападок духовенства и властей. Более того, как показывают изученные исследовательницей архивные документы, Глюк не был единственным переводчиком латышской Библии (S. 99–100). Профессор П. Ванагс также не склонен приписывать заслугу перевода Библии одному Глюку. Во всяком случае, своей статье «Влияние перевода Библии Глюка на латышский литературный язык» он осторожно пишет о «переводчике или переводчиках» (S. 165). В кратком обзоре памятников латышской письменности 1615–1685 гг. (разумеется, все это были исключительно богослужебные книги) он попутно характеризует различные системы орфографии – от Г. Манцелиуса до К. Фюрзкера и Г. Адольфиуса (S. 159–165) и отмечает, что именно система «Расширенного латышского тревника» («Vermehretes Lettisches Hand-Buch»), изданного Адольфиусом в 1685 г., легла в основу перевода Глюка (S. 173). Вклад Глюка в грамматику латышского языка был заметно скромнее, нежели в расширение его словарного состава, прежде всего за счет фразеологизмов, неологизмов, заимствований (S. 168–173).

В семье пастора Глюка некоторое время жила на положении то ли служанки, то ли воспитанницы юная Марта Скавронская. В статье

М. Шиппана «Эрнст Глюк и Екатерина I» (S. 111–142) дан анализ образа первой русской императрицы в немецкоязычной литературе XVIII в. (записки дипломатов, «разговоры в царстве мертвых», театральные пьесы²). Шиппан сравнивает различные известия о тех или иных эпизодах ее жизни (главным образом – о ее происхождении), но ни разу не ставит вопрос об источниках этих известий. Кроме того, он описывает службу сыновей Э. Глюка в России, излагает хорошо известные события 1725–1727 гг. и пытается дать объективную оценку государственной деятельности Екатерины I (S. 124–136).

Отечественная историческая наука представлена в сборнике лишь статьей В.А. Ковригиной, которая подвела итог полуторавекового изучения школы Глюка в Немецкой слободе и выделила этапы ее существования как ведомственного учебного заведения при Посольском приказе, гимназии в ведении Ижорской канцелярии, школы при Монастырском приказе, а затем – при Приказе книгопечатного дела (S. 193–213). Значение гимназии, по мнению Ковригиной, состояло в том, что «она стала одной из первых государственных школ России, где иностранные учителя обучали русских учеников языкам и гуманитарным наукам», причем многие из 400 обучавшихся там россиян стали впоследствии «видными дипломатами, переводчиками, а также служащими канцелярий и коллегий» (S. 211). Закрытие гимназии в 1715 г., очевидно, было связано с тем, что Петр I стал уделять большее внимание развитию специальных учебных заведений (Артиллерийская и Инженерная школы и т.д.), располагавшихся преимущественно в Петербурге.

К сожалению, круг источников, освещающих историю гимназии Глюка, со времен С.А. Белокурова и А.Н. Зерцалова, издавших в 1907 г. основной корпус документов по данной теме, почти не расширился, если не считать нескольких писем Глюка к А.Г. Франке, опубликованных в 1953 г. Э. Винтером³. Переписка Глюка и пиетистов, хранящаяся в архиве Учреждений Франке и в Берлинской государственной библиотеке, используется исследователями явно недостаточно. Этот пробел отчасти восполняет статья профессора В. Альбрехт-Биркнер «Связь Глюка с Филиппом Якобом Шпенером и Августом Германом Франке, или был ли Глюк пиетистом?» (S. 57–78). Исследовательница полагает, что хотя Глюк и не принадлежал к пиетистам, придерживаясь традиционного лютеранства, его переводческая деятельность, направленная на широкое распространение Библии, соответствовала их намерениям и создавала основу для сотрудни-

чества с такими проникнутыми идеями пиетизма теологами, как Фишер (при этом в вопросе проповеди Евангелия и совершенствования школьного образования пастору был ближе пиетизм Шпенера, а не Франке). Уже в Москве обнаружили расхождения между ними и Глюком. В частности, резкое неприятие московских (Ю.С. Шаршмидт) и галльских пиетистов (А.Г. Франке и Й.Ю. Брейтгаупт) вызвало предложение ввести в программу школьных занятий уроки танцев и верховой езды, т.е. «телесных упражнений». Глюк оправдывался тем, что эти занятия соответствовали образу мыслей царя, танцы были необходимы для обучения русских европейским манерам, а верховая езда отвлекала юношество от менее безобидных забав (S. 63, 65–66). Собираясь обсудить *filioque* с православным духовенством, Глюк запросил у Шпенера выписки из сочинений отцов Церкви по данному вопросу, однако в ответ получил письмо некоего богослова (по-видимому, Франке), осуждавшего данное намерение (S. 61–62). Еще большее неудовольствие пиетистов вызвала примирительная позиция Глюка в конфликтах между пасторами новой и старой общин Немецкой слободы и между жителем той же слободы купцом М. Поппе и учителем в его семье К. Рихтером (S. 66–74).

Нельзя не отметить, что за время, прошедшее между конференцией и выходом сборника, работа над биографией Э. Глюка продолжалась, о чем свидетельствует короткая статья К. Шиллер «Имя (имена) Глюка. Биографические заметки» (S. 53–56). Исследовательнице удалось найти запись в приходской книге Веттина, доказывающую, что при крещении Глюку было дано только одно имя – Эрнст. Поэтому не следует именовать пастора Иоганн

Эрнст, как это было принято еще в 2005 г. (соответствующие поправки были внесены во все остальные статьи сборника). Шиллер также удалось уточнить сведения о братьях и сестрах Э. Глюка.

Е.Е. Рычаловский
(Российский государственный архив
древних актов)

Примечания

¹ *Glück H., Polanska I.* Johann Ernst Glück (1654–1705): Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden, 2005.

² См. донесение предположительно легацион-секретаря при австрийском посланнике Н.С. Хохольера, датированное 28 сентября 1725 г. и опубликованное А.Ф. Бюшингом под заголовком «Abgestatteter Bericht and den römischkaiserlichen Hof von der rußischen Kaiserin Katharina der ersten Herkunft und Gelangung zum Thron...» (*Magazin für die neue Historie und Geographie*. Halle, 1777. V. 11. S. 479–522), записки ганноверского посланника Ф.К. Вебера «Преображенная Россия» (*Weber F. Chr.* Das veränderte Rußland. Hannover, 1740. V. 3), «Разговоры в царстве мертвых» Д. Фасмана (*Fassmann D.* Gespräche in dem Reiche derer Todten. 225. Entrevue. Leipzig, 1737), произведение анонимного автора того же жанра «Der Curieusen Eva Historisch-Politische Staats-Assemblée in dem Reiche derer Todten...» (Leipzig, 1727), пьесы австрийского писателя Франца Краттера «Девушка из Мариенбурга» (*Kratter F.* Das Mädchen von Marienburg. Ein fürstliches Familiengmälde in fünf Aufzügen. Frankfurt, 1795) и «Прутский мир» (*Ejusd.* Der Friede am Pruth. Grätz, 1799), а также летучий листок «Die Gewisse Nachricht, Von Ihro Ruß. Keyserl. Majestät Der nunmehr verbliebenen Czaarin Catharina Alexievna, Ankunfft, Glück, Erhebung zum Throne, Leben und Todt, auch letzter Wille und Testament...» (1727).

³ *Winter E.* Halle al Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953.

А.А. Глушецкий. Колокольное дело в России во второй половине XVIII – начале XX века. Энциклопедия литейщиков. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2010. 588 с.

Колокольное литье в России ведет свою историю с давних времен. Расцвет этого производства пришелся на вторую половину XVIII – начало XX в., когда оформились династии колокольных мастеров, были созданы колокольные наборы знаменитых российских звонниц (ростовской, соловецкой). Возрождение православной жизни в России и, как следствие, колоколотейного дела, настоятельно требует изучения и обобщения имеющегося богатейшего опыта. Основы кампанологии как науки были заложены еще до революции: пер-

вой попыткой проследить многовековую историю развития колокольного литья в России стала недавно переизданная работа Н.И. Оловянишникова (1875–1918) «История колоколов и колоколотейное искусство»¹. Рецензируемая книга А.А. Глушецкого «Колокольное дело в России во второй половине XVIII – начале XX века. Энциклопедия литейщиков» является на сегодняшний день наиболее полной энциклопедией колоколотейного производства.

Не ограничиваясь историей церковных колоколов, автор провел большую научно-